

бродя в одиночку, что и использовали в своих интересах разные авантюристы.

Всем известная авантюра Меркулова на Д. Востоке обошлась дорого казакам; такие типы, как ген. Шильников, запродали казачью эмиграцию китайск. генералу Чжан-Чжу-чану по пяти дол. за голову и погнали казачью массу на убой...

Поля Китая усеяны могилами, не одна тысяча сложил там свои буйные казачьи головы, а за что и во имя чего? Часть казаков разочаровалась в „вождях“ и ушла к красным, а часть крепится в изгнании и уже не верит „вождям“, а ждет своего возвращения самостоятельно, живет инстинктом; печатного слова казачьего здесь нет.

Казакхи: Соломахин, Журавель и Макаров на своем бивуаке на одной из вершин сопки в Маньчжурии в 1929 году.

Казак-охотник с добычей, весящей 23 пуда.

Все же, не все и не всегда уж так мрачно здесь. Прилагаемые фотоснимки свидетельствуют о том, что брошенные на произвол судьбы казаки не погибают, а проявляют инициативу, добывая хлеб насущный и в то же время проявляют чудеса храбрости и мужества.

Достаточно познакомиться с охотой на властелина лесов и хребтов суровой Маньчжурии тигра, чтобы осознать тот риск, которому подвергаются эти смельчаки-охотники. Мало найти в непроходимых дебрях и убить великана-тигра, но нужно поймать живьем и посадить его в клетку. Посадить для того, чтобы прелестная Европа и счастливая Америка приходили в восторг, рассматривая их в зверинцах.

Кто же эти смельчаки-охотники?

Да те же казаки, ныне Уссурийцы, Амурцы, Забайкальцы и Сибиряки, — все они потомки Ат. Ермака Тимофеевича и выходцы-переселенцы из Дона, Кубани, Терека и Украины.

Вот Уссурийцы: Ф. П. Соломахин, Журавель и Макаров. Ф. Соломахин — переселенец из Кубани, стан. Сторожевой.

В 1929 году эти смельчаки поймали живьем и посадили в клетку тигра, которого и продали конторе Кунст

и Альберс (немцам) за 1.200 иен, а контора перепродала этого тигра в один из зверинцев за 5.000 иен, заработав 400%, не трудясь и не рискуя жизнью.

В 1930 г. они поймали живьем и посадили в клетку 2-х тигров, которые сейчас доставлены в Харбин и продаются, но спекулянты уже дают только 1.000 иен за двух, желая заработать 1.000%.

Просьба охотников, настоящее поместить в „В. К.“ Адрес главной квартиры охотников: Маньчжурия, гор. Харбин, (Китай) ст. Селимха, КВЖД, Ф. П. Соломахину.

П. Ковган.

В Париже.

— 15 марта сего года в Париже (64, Сен Доминик) состоялось собрание членов Общества Ревнителеев Казачества. Председатель Общества Е. Якименко прочитал исторический реферат из жизни Кубанских казаков времен жестоких столкновений казаков с черкесами. И. А. Скобелин прочитал письменный протест („Необходимое разъяснение“) против допущенных Н. Мельниковым искажений в отчете об его докладе в Каз. клубе (журнал „Р. К.“, № 2). Протест этот вызвал шумное одобрение присутствующих и все они изъявили желание под ним подписаться. Затем произведен был выбор дополнительного члена правления Общества. Избранным оказался И. А. Скобелин.

— 8 марта состоялось собрание Каз. Клуба, на котором прочитал доклад г. Аврамов на тему „Взаимоотношение казаков и иногородних“. Несмотря на широкую рекламу, присутствовало на собрании не больше 10-ти человек. Присутствовавший на этом собрании член Донского Войскового Круга Н. рассказывает, что ему стыдно было за докладчика. У него на руках была брошюра „Крестьянской России“ (№ 8) о крестьянах в казачьих Краях. Он читал эту брошюру и одновременно слушал „докладчика“. Оказалось, что весь доклад точь в точь списан из этой брошюры. Ведь можно же пользоваться выдержками из чужих трудов, но списать весь чужой труд и публично выдавать его за свое — просто не хорошо...

Присутствовавший на собрании простой казак в середине доклада поднялся, громко сказал: „скучно, слушать нечего“ и ушел.

То, что говорят в клубе, казакам неинтересно. Там нет казачьего духа, там устами казаков говорит русские, как в данном случае устами „докладчика“ говорила „Крестьянская Россия“, — говорят казаки.

(Соб. кор.)

Из жизни калмыцкой колонии во Франции.

Втягиваться в условия фабрично-заводского труда, с его надоедливыми призывными гудками, с его коптящим все небо дымом, с режущим ухо грохотом и лязгом стальных машин особенно трудно нам, калмыкам, привыкшим к простору степей и привольному, приятному труду на лоне природы. Но, делать нечего. Там, на родине, царствует враг, злой и беспощадный, здесь — чужбина, со своими обычаями и законами, а кормиться как-то надо. Многие молодые калмыки с большими затратами энергии приобрели всякие специальности для облегчения работы, но легкие и хорошо оплачиваемые работы даются везде и всюду своим, а нам, будь ты специалист или не специалист, удел один — физический труд.

Калмыцкая колония в Парей-Ле-Мониале одна из больших колоний во Франции, в ней около 50 душ. Работали мы раньше в Десине на фабрике искусственно шелка. Условия квартирования и оплата труда были здесь довольно сносно и, привлекаемые этим, мы довольно долго и упорно там держались. Но скоро выяснилась вредная сторона этой работы. Имея дело с различными химическими веществами, калмыки начали болеть разными болезнями и за один год пришлось похоронить пять человек и почти столько же потерять трудоспособность. Умерли: 1) Джаб Менкелев, Платов-

ской станицы — 40 лет, от вздутия живота, 2) Санжа Дакугинов — 26 лет, Платовской станицы — от чахотки, 3) Басан Пуринов — 22 лет, Платовской станицы — тоже от чахотки, 4) Антон Амурханов — 29 лет, Платовской станицы — туберкулез и 5) Сергей Даржинов — 35 лет, — Астраханец — от неизвестной желудочной болезни. Потеряли трудоспособность: 1) Бадьма Уланов, Грабевской станицы 38 лет, сердечная болезнь — отнявшая у него ум, 2) Дава Алексеев — 58 лет, Батлаевской станицы, паралич правой части тела, 3) Исай Кворинов — Батлаевской станицы — туберкулез, и много других вышло из строя с различными заболеваниями головы, уха и пр.

Такое наглядное явление заставило нас пренебречь указанными выгодными условиями и искать другой, более здоровой работы, хотя меньше оплачиваемой. К нашему счастью прибыл к нам агент одного завода, некто Нейдышев, и предложил нам возможность устройства на фабрику, которая вырабатывает плитки для устилки полов, печек и пр. Условия, обещанные Нейдышевым, были весьма привлекательны и мы все записались у него, выражая готовность переселиться. Завод оказал помощь на дорогу и мы перебрались. Условия, правда, оказались не столь блестящими, но все же работать и жить можно; вредных влияний особенных не чувствуется, постепенно поправились и условия кварирования, которые сперва были неудовлетворительны. Кроме всего, „наш“ завод оказался тем хорош, что не подвергся безработице и нет сокращения служащих. Отношение дирекции к рабочим хорошее.

По переезде мы образовали свою калмыцкую организацию, „Калмыцкую колонию в Парей-Ле-Мониаде“, председателем правления выбрали Аршинова, писарем к нему Андриюшкина. Получаем и с интересом и сочувствием читаем журнал „Вольное Казачество“ от его представителя Иванова Бадьмы. Большую радость вызвало здесь появление первого калмыцкого журнала „Ков. Волны“ с ясной политическо-национальной программой и он здесь читается с большим интересом. Многие из нас по силам собираются сотрудничать и помогать начинателям. Национальное самосознание наших членов проснулось. Недавно производили сбор пожертвований на содержание хурула в Белграде и все дали по пять франков. Сбор поручили делать Морзе Манжикову.

Были у нас и казаки джигиты, своей работой и искусством доставившие нам много наслаждений и приятных воспоминаний о недавно минувшей и так нетерпеливо ожидаемой жизни в будущем. Есаулу Юркову и его команде джигитов большое спасибо.

Так живем и работаем мы здесь.

Учур Алексеев.

Кубанский хутор в Лионе.

Гор. Лион — центр промышленности во Франции; здесь имеются сотни фабрично-заводских заведений, насчитывающих десятки тысяч рабочих.

Наряду с тысячами рабочих различных национальностей, тяжелым и честным трудом зарабатывающих себе насущный кусок хлеба, заметны здесь и сотни казаков. Кой когда, нет да услышишь в улицах Лиона поздним вечером звуки казачьей песни: то казаки, проработав за станком битых десять часов, сойдутся вечерком в каком нибудь кафе и отводят душу...

Ой сів пугач на могилі

Тай крикнув він: пугу!..

поется в старинной Запорожской песне у нас на Черномории.

... Буде добре козаченькам

І під турком жити...

Хотя через голову вертись, хотя в дугу согнись, а что во лбу врыто, то уж и на горбу открыто... „Кубань была (там), есть (в сердцах у нас) и будет (наша воля)“, — пьем хмельную брагу и один из нас заводит — Ты Кубань, ты наша Родина...

Для кого это песня, для кого — Войсковая, а для нас — это наш Кубанский Гимн?..

И поэтому нет ничего приятнее для нас (здесь в

Лионе), как побывать в гостях у своих братьев, собравшихся до кули в Кубанском казачьем хуторе.

С трепетом сердечным слезаешь с трамвая № 2 в Montchat (предместье г. Лиона), проходишь быстро площадь и, прошмыгнув через палисадник, стремительно избегаешь на второй этаж обширного кафе-ресторана, где помещается хутор.

Когда-бы, кто-бы ни пришел, а навстречу уже спешат радушные хозяева, первым всегда, конечно, г. хуторской атаман.

Надо сказать, что славу хутору создали двое атаманов: полк. Романцов (член Рады) и есаул Еремин. Много дельного и доброго сделали они (Романцов и Еремин) и их сподвижники-хуторяне.

Кто не помнит Кубанский казачий хор в Лионе, кто не знает жертвенности казаков Кубанского хутора; пришел голодный, будь-то казак, будь не казак, дали денег, накормили, напоили да еще и приласкали от всего сердца; умер кто, похоронили на свой казачий счет; кто заболел, во-время поддержали; без работы кто остался и тут не забыли.

Но не только этим живы в Кубанском казачьем хуторе в г. Лионе, помнят там, что помимо серой будничной жизни и ее забот, есть еще и высшие стремления, высшие идеалы!..

Прислали повстанцы с Кубани письмо до казаков-эмигрантов с просьбой о помощи; кликнули клич о поддержке их — Кубанский и Терский Атаманы. Кто первый отозвался, кто одним из первых послал в кубанскую казну деньги на спасение Кубани?.. Кому надо знать, тот знает, а скромность кубанских казаков г. Лиона (хутор в Montchat) еще более оттеняет их заслуги.

Не забыта в Кубанском казачьем хуторе и культурно-просветительная часть; имеется клуб, небольшая библиотека и даже группа из артистов-любителей, которая, к слову сказать, великолепно исполнила „водевиль“ на встречу Нового Года (1931 г.).

Много сделано на пользу объединения кубанских казаков в г. Лионе, как старым хуторским атаманом полк. Романцовым, так и настоящим, есаулом Ереминым, не мало делается и их сподвижниками казаками-хуторянами.

„Козак ширий не боїться

Пекельного руху,

А в неволі більш придбає

Козацького духу“.

(Ненько рідна — Кубань моя бідна! — Мартин Забігаїло).

П. К-а.

Общеказачья объединенная станица в Лионе.

На станичном сборе, имевшем место в начале марта с. г., состоялись перевыборы станичного атамана и всего состава станичного правления. Новым ст. атаманом избран есаул Крупицын (терец), помощниками — есаул Качалин (донец), терец Чернышев и кубанец Мельников, казначеем есаул Мыльников (донец), писарем сотник Сидоренко (терец).

Станичный сбор единогласно постановил благодарить весь состав старого правления, так много сделавшего для станицы в 1930 году.

Есть вера и надежда, что и настоящий состав станичного правления будет стоек в отстаивании интересов и задач казачества, как и прошлый.

А. П.

Ответ на ложь.

В журнале „Родимый Край“ №2 помещена информация, посвященная образованию так наз. „Провансальской казачьей станицы“ в Марселе.

Какая ложь во всей информации!

Автор пишет, что на состоявшемся 18 января с. г. собрании казаков всех казачьих Войск построена на развалинах Марсельской общеказачьей станицы, новая „Провансальская казачья станица“, и что в тот же день в состав станицы вошло 55 человек казаков, намеренно умолчав о не казаках, присутствовавших на том же собрании, принимавших участие в построении новой станицы и оставшихся в ней равноправными членами.